

УДК 81'42+32.019.5:659.4

Е. В. Пильгун

**СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО
ПРОСТРАНСТВА МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА¹**

В статье описываются стратегии формирования коммуникативного пространства многополярного мира, которые детерминируют использование коммуникативных тактик и приемов в кризисном дискурсе в целях управления общественным сознанием в определенных регионах мира. Автор выявляет прагматические маркеры формирования образов

¹ Впервые опубликована: Пильгун, Е. В. Стратегии формирования коммуникативного пространства многополярного мира / Е. В. Пильгун. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2023. – № 6 (102). – С. 122–130 .

различных акторов международных отношений. Установлено, что стратегия сотрудничества используется в целях отражения мнения стран, кооперирующихся по принципу общих проблем; ориентирована на унификацию на основе глобальных проблем человечества и устойчивого развития мира; направлена на создание иллюзии взаимодействия. Стратегия реализуется посредством тактик разоблачения и осуждения миропорядка, отвлечения внимания от глобальных кризисов и призыв к совместному взаимодействию в рамках экзистенциальных вопросов, ухода от ответа, нивелирования значимости, подмены фактов и др. Стратегия соперничества реализуется в целях демонстрации собственного превосходства на фоне дискредитации оппонентов, аргументирует необходимость выбора стороны, используется для демонстрации доминирования и отрицания невыгодной для США идеологии многополярности. Для этого используются тактики осуждения, указания на агрессивность, прогноз о прекращении сотрудничества, тактика предупреждения, тактика давления, тактика подмены понятий и сокрытия информации, угрозы, тактика хеджирования в целях сглаживания острых углов.

Ключевые слова: кризисный дискурс, многополярность, коммуникативные стратегии, соперничество, сотрудничество, манипуляция общественным мнением, тактики воздействия.

ВВЕДЕНИЕ

В 21 веке ввиду глобализации достаточно остро встает вопрос выживаемости государств без внешних связей и многостороннего взаимодействия. Наблюдается тенденция к принадлежности к более глобальным образованиям, которые будут обеспечивать экономические, социальные и другие сферы. С одной стороны, у стран возникает стремление присоединиться к интеграционным образованиям, взаимодействовать в формате различных международных организаций: БРИКС, ЕС, ШОС, СНГ, АСЕАН, НАТО и др. С другой стороны, принимая во внимание поворот в 20-х годах XXI века от глобализма к регионализму, переориентирование путей взаимодействия с учетом геополитической повестки, стоит подчеркнуть ограничение определенных направлений взаимодействия и необходимость поиска новых форм взаимодействия и глобальной идеологической базы, которая бы объединила и предопределяла действия тех или иных акторов. Появляются и новые организации типа AUKUS, новые форматы взаимодействия на мировой арене: в ЦА 5+1, Россия – Африка и др.

Глобальные трансформации и кризисы, вызванные турбулентностью современных международных отношений, сопровождаются полярными коммуникативными потоками, которые оказывают воздействие на ту или иную страну, регионы и т.д. Поляризация в коммуникации обусловлена виртуализацией политических событий, труднодоступностью первоначальных источников, процессами цифровизации – информация находится в открытом доступе в цифровом формате, процессами глобализации, которые протекают несмотря на ориентированность мира на региональные формы взаимодействия [Bojashov, Mushket, Leshenjuk 2023 : 32]. Региональные лидеры все больше стремятся проецировать влияние в другие регионы [Garzón 2017 : 103]. Те данные, которые доходят до потребителя, масс, при всей транспарентности процессов подвергаются ретрансляции, авторской интерпретации и т.д. Это дает возможность управлять коммуникативными потоками, разрабатывать коммуника-

тивные стратегии и реализовывать коммуникативный план в зависимости от целей и интенций акторов международных отношений, и в целом, позволяет внести свою лепту в развитие, становление и управление многополярным миром.

Кризисы создают декорации для взаимодействия или соперничества, а кризисный дискурс – выступает в качестве среды, выгодной для осуществления агитаций, воздействия на массы с целью переориентирования в пользу определённых политических решений, действий, внедрения, корректировки или кардинального изменения идеологических взглядов и т.д. [Пильгун 2020 : 14]. В этой связи важно найти ту самую идеологическую основу, которая станет ключом к эффективному сотрудничеству и будет способна сплотить различных акторов, на основе которой будут выстроено коммуникативное пространство. Отсутствие идеологической базы создает трудности для устойчивого развития государства, международной или интеграционной организации, а разрозненность по экономическим и политическим позициям стран-участников в случае интеграционных организаций способствуют тому, что международные площадки не выходят за рамки дискуссионного формата (например БРИКС).

Одной из таких идеологических баз способна стать теория многополярного мира – доктринальная концепция, которая выступит в качестве базиса глобальной идеологии как для государств, так и для некоторых интеграционных организаций [Беклямишев 2013]. Стоит подчеркнуть, что в глобальной кризисной коммуникации идея перехода к многополярности, снижение доминирования определённых акторов закрепляется все тщательнее, о чем свидетельствует и возрастающий интерес к теории многополярности, возникновение полярных мнений, как поддерживающих, так и полностью отрицающих ее существование.

В свете того, что начало XXI века характеризуется кризисами, быстротечностью событий и необходимостью стремительных решений, кризисный дискурс становится оптимальной средой для продвижения идей многополярности и перехода к новому миропорядку. Настоящие геополитические события требуют быстрых реакций, незамедлительного антикризисного управления и выстраивания соответствующих коммуникаций.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Многополярность с идеологической стороны объясняет необходимость тех или иных политических действий, усиливает процессы регионализации, способствует развитию региональных связей и приостановлению глобальных; детерминирует ослабление позиции США в мире и рост потенциала новых центров силы [Солужанов 2022 : 434]. Британские эксперты описывает многополярность как сосуществование нескольких держав [TenBrinke 2019], в основе которого лежит рост экономического потенциала Востока [Blagden 2015: 335] и снижение значимости Запада. Снижению роли США в мировой политике способствует появление альтернативных идеологических моделей [Cooley, Nexon 2020; De Santis 2021; Сирота, Морохов 2016]. С одной стороны, многополярность создаёт более стабильную международную среду

[Litsas, Tziampiris 2016], которая характеризуется информационными войнами, применением инструментов и ресурсов оказания влияния и давления на общество соперника [Marrone, Muti 2020]. В качестве ведущих акторов нового миропорядка стоит рассматривать интеграционные организации, которые будут конкурировать за экономические и политические пространства [Костин, Изотов 2015 : 8]. К примеру, Д. А. Дегтерев в качестве «ядра» многополярности видит БРИКС [Дегтерев 2020].

С другой стороны, многополярность рассматривается как угроза безопасности и стабильности [Laïdi 2014 : 351], так как затрудняет решение проблем сохранения мира, требующих коллективного участия и согласия [Butler 2018 : 3]. В рамках цивилизационного подхода [Хантингтон 2003 : 15] для формирующейся многополярности характерно столкновение цивилизаций, поляризация на основе различных ценностных убеждений [Дугин 2013].

На фоне кризисных ситуаций в условиях геополитических изменений коммуникативные потоки все более детерминированы теорией многополярности. Закрываются определенные каналы коммуникации, проводится жесткая языковая политика, используются средства коммуникативного воздействия на массовое сознание, внедряются определенные модели общения с учетом ситуации и аудитории [Дялошинский 2020 : 199]. Подобные модели представляют собой коммуникативные стратегии, в рамках которых используется определенный набор коммуникативных тактик и языковых приемов с учетом конкретной ситуации, предыдущих и последующих тактик, реакции собеседника.

Коммуникативная стратегия в данной статье понимается как комплекс речевых действий, направленных на достижение цели [Иссерс 2006 : 54, 132]. В большинстве своем стратегии базируются на идеологически-мировоззренческих установках, определяющих коммуникативно-речевое поведение человека [Виноградов 1999: 46; Кашкин 2003; Клюев 2002; Формановская 2007; Чернявская 2006]. Стратегия реализует определенные интенции [Кашкин 2003 : 38] посредством коммуникативных тактик [Формановская 2007 : 219], а лингвостилистический компонент коммуникативной стратегии предполагает отбор языковых и неязыковых ресурсов и их адаптацию к условиям общения [Келлерман 1992 : 288].

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования методом сплошной выборки были отобраны статьи июньского выпуска журнала *Foreign Affairs* 2023 года. Выпуск *Foreign Affairs* дает аналитическую оценку кризисным ситуациям, событиям последующих за кризисом, предоставляет прогнозы, рекомендации для политиков в целях дальнейших действий – обладает сильной лоббистской функцией. Данный выпуск журнала относится к кризисному дискурсу, так как лейтмотивом номера является проведение СВО РФ в Украине и влияние этого кризиса на регионы мира, освещает причины потери управляемости и устойчивости мира и предлагает пути сотрудничества в целях обеспечения безопасности с учетом геополитических разногласий.

На основе анализа статей сделан вывод, что в кризисном дискурсе, наиболее ярко отражающем современные тенденции к многополярности, следует выделить 2 стратегии, которые используются каждым из центров силы: стратегия сотрудничества и стратегия соперничества.

Коммуникативная стратегия сотрудничества

Коммуникативная стратегия сотрудничества основана на взаимной поддержке, включает в себя дипломатические пути урегулирования кризисов и продвижение мирного разрешения споров. Стратегия сотрудничества направлена на поддержание и развитие международного сотрудничества для решения глобальных проблем (сотрудничество в области экономики, безопасности, экологии и т. д., в том числе сотрудничество в целях внедрения Повестки 2030, обеспечения деятельности международных организаций). Эта стратегия позволяет государствам и международным организациям эффективно взаимодействовать в мультиполярном мире особенно на фоне существующих кризисов, способствует повышению доверия и укреплению диалога, включая проведение переговоров, встреч на высшем уровне и обмен информацией.

Коммуникативное поведение участников позволяет выделить следующие основы для сотрудничества, и детерминировать выбор коммуникативных тактик:

1. Солидарность стран по принципу общих проблем или общего врага. В этих целях используется тактика разоблачения, осуждения существующего миропорядка, что позволяет говорить о заинтересованности в его смене и переходе к многополярности, а также о наличии общих врагов. Направленность на сотрудничество в целях изменения установленного миропорядка отражена в примере: *But the truth is that the rule-based international order has not served Africa's interest. On the contrary, it has preserved a status quo in which major world powers- be they Western or Eastern – have maintained their positions of dominance over the global South* [Murithi 2023 : 27]. Фрагмент отражает поддержку глобальных трансформаций, стремление к защите национальных интересов, желание снизить доминирование иностранных государств на Юге. Определены и потенциальные недружественные силы, препятствующие развитию региона. Стоит обратить внимание на использование концепта **глобального Юга**, под которым в первую очередь понимается совокупность стран с развивающейся экономикой, а не только африканский континент или его часть. Автор использовал прием эвфемизации, для замены понятия «страны третьего мира», к которым относятся в том числе государства, находящиеся за пределами Африки, расположенные в северном полушарии, такие как Индия и Мексика. Пример демонстрирует недовольство существующим положением, осуждение как западного, так и восточного присутствия на Юге, и в рамках теории многополярности может быть интерпретирован как абстрагирование от глобального противостояния.

2. Кооперация на основе глобальных проблем человечества и устойчивого развития мира. Во фрагменте: *“Rather than war and rivalry, the prime minister declared, the greatest challenges humanity faces are climate change,*

terrorism, pandemics – issues that can be solved not by fighting each other, but by only acting together” [Rao 2023: 17] отражена тактика отвлечения внимания от глобальных кризисов и призыв к совместному взаимодействию в рамках экзистенциальных вопросов (климат, терроризм, пандемия). Таким образом индийский премьер-министр избегает острых углов и переключает внимание на глобальные проблемы. В контексте тематики статьи, направленной на отражение последствий украинского кризиса для Индии, политик уходит от ответа, оставляя за собой право на нейтралитет в вопросе необходимости выбора стороны, прозападной или пророссийской позиции. Это объясняется тем, что Индия имеет исторически тесные связи с Россией, но в то же время заинтересована в контактах с западным миром. Эпитет «*the greatest challenges*» отражает превосходство глобальных проблем, снижая значимость войн (тактика нивелирования значения), несмотря на то что именно войны зачастую становятся триггером болезней, миграции, терроризма и других гуманитарных катастроф.

3. Создание иллюзии сотрудничества. В предложении: *Today’s world is a complex network of interconnection where trade, technology, migration, and the Internet are bringing humans together as never before* [Vaishnav 2023 : 186] использована тактика подмены фактов, так как в примере говорится о факторах объединяющих людей, хотя те же самые факторы в кризисные времена становятся и факторами разъединения нации. Торговля подразумевает конкуренцию, технологии приводят к информационному и цифровому доминированию, а факт миграции – особо противоречив (стоит вспомнить волны миграции последнего десятилетия, острые реакции со стороны европейского сообщества (кризисы в Сирии, Ливии, кризис на белорусско-польской границе в 2020-2021) и некоторые пакеты санкций). Интернет – также не однозначен, так как превратился в орудие идеологического воздействия на массовое сознание. В данном контексте создается лишь иллюзия взаимодействия, что подтверждается и метафорой *world is a complex network of interconnection* ‘мир – сложная сеть взаимосвязей’. Использование прилагательного «сложный» в словосочетании *complex network* как характеристика взаимоотношений в мире подчёркивает возможность сбоя в этой сети, вплоть до полного разрыва отношений, что мы и наблюдаем во время кризисов.

Коммуникативная стратегия соперничество

Коммуникативная стратегия соперничество подразумевает конкуренцию в различных сферах, основанную на развитии национальной инновационной системы, совершенствовании высокотехнологичных отраслей, собственных экономических и технологических возможностей, поддержке научных исследований, – всего того, что даст преимущество и позволит обеспечить конкурентоспособность на международной арене. Коммуникативные потоки направлены на демонстрацию своих конкурентных преимуществ, достижений и заслуг, повышение собственной значимости и имиджа. История показывает, что в гонке за превосходство и доминирование, соперничество провоцирует не просто кризисы, а противостояние мирового масштаба

(Карибский кризис 1961 г., угрозы ядерного противостояния современности). В XXI веке возникают новые области для соперничества: процессы цифровизации различных сфер жизни, искусственный интеллект и др. Тем не менее в кризисном дискурсе стратегия соперничества проявляется посредством использования коммуникативных тактик, реализуя следующие интенции:

1. Демонстрация собственного превосходства на фоне дискредитации оппонентов. Так, в предложении: *Beijing has become increasingly belligerent, and may eventually decide it will not deal with India if New Delhi strengthens its security ties to Washington* [Rao 2023 : 20] используется тактика осуждения официального Пекина в излишней агрессивности и выдвигается прогноз о разрыве сотрудничества с Индией. Интернационально в предложении заложен интерес США в усилении связей с Индией и снижении устойчивости китайско-индийских отношений, это позволит переманить на свою сторону Индию – одного из значимых акторов, который все еще остается нейтральным.

2. Аргументация необходимости выбора стороны (в случае Foreign Affairs – именно американской стороны). К примеру, фрагмент: *Transnational threats as climate change may trigger developmental challenges and degrade human security, especially among economically vulnerable parts of India's population. New Delhi's historical struggle with Pakistan could flare up, diverting India's security resources away from China and back towards its western border* [Le Thu 2023 : 30] демонстрирует использование тактики предупреждения об угрозе со стороны Китая и напоминание о нестабильности региона, затухшие кризисы которого могут легко активизироваться в довесок к глобальным социально-экологическим проблемам. Данные тактики создают аргументацию, косвенно намекая на необходимость сотрудничества с США на основе предоставления гарантий безопасности Индии. Стоит отметить, что Китай и Индия – члены БРИКС, хотя и имеют некоторые разногласия, обладают потенциалом центров силы в мире, в чем не заинтересованы штаты.

3. Попытки доминирования и демонстрация силы, выражающиеся в применении наказаний / санкций в случае неповиновения. В предложении: *Following Russia's invasion of Ukraine last year, many African countries declined to take a strong stand against Moscow. Most countries of the continent have maintained economic and trade ties with Moscow despite Western sanctions* [Murithi 2023 : 28]. С одной стороны, подчёркивается, что большинство стран Африки демонстрируют нигилизм в отношении Запада, а следовательно, снижают его роль глобального доминанта. С другой стороны, используется тактика давления в отношении африканских стран: западный мир напоминает о новых санкциях в случае сотрудничества с официальной Москвой.

4. Отрицание невыгодной для внешней политики США идеологии многополярности. Например: *The end of total unipolarity explains why Beijing, Moscow and other dissatisfied powers are now more willing to act on their dissatisfaction, accepting some risks of attracting the focused enmity of the United States. But their efforts show that the world remains sufficiently unipolar that the prospect being balanced against is a far stiffer constraint on the United States'*

rivals than it is on the United States itself [Brooks, Wohlforth 2023 : 85]. США со своей стороны в принципе отрицают многополярность, используя тактику подмены понятий, сваливая вину во многих кризисах и перекладывая ответственность на крупных мировых акторов, говоря о немереных действиях, вызванных собственным недовольством. Тактика изменяет и восприятие качества концепта «миропорядок», используя лексические компоненты *total unipolarity* (тотальная однополярность), *sufficient unipolarity* (достаточная однополярность). Сам концепт «многополярность» завуалирован выражением *the prospect being balanced against (та перспектива, которую они стремятся получить)* – использован прием эвфемизации, в целях недопущения его как основного концепта новой идеологии. На этом фоне широко используется тактика угрозы и предупреждения о возможных рисках со стороны США в случае изменения статуса-кво однополярного миропорядка и последствиях для соперников.

Для сглаживания острых углов и подтверждения достоверности предлагаемых фактов применяется тактика хеджирования: *more willing to act* (с большей готовностью действуют), *some risks of attracting the focused enmity* (некоторые риски привлечения целенаправленной враждебности) и др.

Прагматические маркеры

На основе прагматического анализа статей следует отметить и особенности формирования восприятия аудиторией разных стран. Создается образ **Российской Федерации** как недемократического враждебного государства, которое пренебрегает установленные правила, является источником большого дискомфорта и уязвимости – *a source of great discomfort and vulnerability*, нацелена на конфронтацию. На это указывают следующие маркеры: *a course of confrontation* (курс на конфронтацию), *Brazen Russian invasion* (наглое российское вторжение), *armed seizure of Abkhazia and South Ossetia* (вооруженный захват Абхазии и Южной Осетии), *the flow of dirty Russian money swilling around the West* (поток грязных российских денег хлынул по Западу), *rivalry with Russia* (конкуренция с Россией) и др.

В целях снижения российского влияния США ставят целью *to end dependence on Russian oil and gas* (покончить с зависимостью от российской нефти и газа), снизить роль *of a dominant supplier of nuclear fuel services to many countries, including the US* (доминирующего поставщика услуг по ядерному топливу для многих стран, включая США).

Индия изображена как зависимое государство, которому необходимо сделать выбор между двумя силами, конечно обязательно в пользу американской стороны. Это видно по маркерам: *traditionally dependent on Russia for military suppliers* (традиционно зависит от России в вопросах поставок военной техники), *need to be more conscious of its colonial past* (необходимо больше осознавать свое колониальное прошлое), *India's neutrality is nothing new* (в нейтралитете Индии нет ничего нового), *harder to work with both* (сложнее работать с обоими), *world's fastest growing economy* (самая быстрорастущая экономика мира), *in close touch with US* (в тесном контакте с США).

Китай является стратегическим противником, в отношении которого используется язык вражды. Создается образ агрессора и предлагается альтернатива занять сторону США как глобального защитника. Многократно подчеркивается *Beijing's belligerence* (агрессивность Пекина), а также подсвечивается роль США в борьбе за доминирование, что отражено в примерах: *Washington has campaigned hard to stop Southeast Countries from agreeing to Chinese-led programs* [Kamin 2023, 98] (Вашингтон упорно боролся за то, чтобы помешать юго-восточным странам согласиться на программы под руководством Китая); *It wants partners and allies to support its ban on various Chinese technologies* [Kamin 2023 : 99]. (Он хочет, чтобы партнеры и союзники поддержали его запрет на различные китайские технологии); *If tensions between Beijing and Washington lead to a military conflict, the area's countries should find themselves under intense pressure to pick the sides* [Bordoff 2023 : 109]. (Если напряженность в отношениях между Пекином и Вашингтоном приведет к военному конфликту, страны региона окажутся под сильным давлением, вынуждая их выбирать ту или иную сторону); *Two great powers could soon come to blows* (Две великие державы вскоре могут вступить в бой); *Extensive claims to Southeast Asia's water and construction on the region's reefs are a constant reminder of Beijing's belligerence* [Adderson 2023: 167]. (Обширные претензии на воду Юго-Восточной Азии и строительство рифов региона являются постоянным напоминанием о воинственности Пекина). Стоит отметить, что данный выпуск *Foreign Affairs* во многом солидарен американским политологом Грэхамом Аллисоном, который рассматривает американо-китайские отношения сквозь призму «Ловушки Фукидида» и указывает на неотвратимость противостояния Китая и США [Allison 2017], что и отражено посредством прагматических маркеров.

Подчеркивается и желание разорвать связи Пекина и Москвы, чье партнерство вызывает опасения: *Flourishing partnership between China and Russia. It definitely matters, it creates problems* [Radchenko, Zubok 2023 : 48]. (Процветающее партнерство между Китаем и Россией. Это создает проблемы, это определённо важно); *prevent the comeback of declining Russian empire and constrain a rising Chinese one* (предотвратить возвращение приходящей в упадок Российской империи и сдержать растущую китайскую империю).

На этом фоне солидарность с Украиной выражается в следующем: *The misadventure of Ukraine* (злоклучения Украины), *Ukraine has united the world* (Украина объединила мир), *More arms to Ukraine, weapons to Ukraine* (Больше оружия Украине, оружие Украине), *seeing countries like Ukraine and Moldova through somebody else's colonial lens: Russia's* (смотреть на такие страны, как Украина и Молдова, через чужую колониальную линзу: российскую).

Станы африканского континента по большей мере, как и Индия, остаются нейтральными, однако в США это вызывает сильное недоумение, вызванное тем, что *International order treats Africans as global second-class citizens* (Международный порядок рассматривает африканцев как граждан второго сорта). Это выливается в осуждение со стороны Запада: *African neutrality in Ukrainian conflict – a betrayal of liberal principles* (Африканский нейтралитет в

украинском конфликте – предательство либеральных принципов); *strategy of nonalignment and international ambiguity in their dealings with major powers* (стратегия неприсоединения и международная двусмысленность в отношениях с крупными державами). В отличие от Индии страны Африки имеют небольшой потенциал для стремительного экономического развития, поэтому в текстах практически отсутствует нарратив о необходимости усиления сотрудничества с США, как в случае с Индией, зато подчеркивается тесное сотрудничество с Россией: *The Wagner has worked with governments in western and central Africa to support their security and survival* [Ash 2023 : 70] («Вагнер» работал с правительствами западной и центральной Африки, чтобы поддержать их безопасность и выживание).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, следует подчеркнуть, что соперничество и сотрудничество – ключевые доминанты развития международных отношений в многополярном мире, которые детерминируют использование коммуникативных тактик и приемов в кризисном дискурсе в целях управления общественным сознанием в определенных регионах мира. Использование этих двух стратегий концентрируется в основном в кризисном дискурсе, который становится средой и фоном для реализаций интенций авторов.

Установлено, что стратегия сотрудничества реализуется в трех направлениях: используется в целях отражения мнения стран, кооперирующихся по принципу общих проблем (в основном страны третьего мира); ориентирована на унификацию на основе глобальных проблем человечества и устойчивого развития мира (все страны, в том числе Повестка 2030); направлена на создание иллюзии взаимодействия, т.е. кажущееся взаимодействие, кажущееся равенство, которое в кризисные времена определено будет приостановлено. Стратегия реализуется посредством тактик разоблачения и осуждения миропорядка, отвлечения внимания от глобальных кризисов и призыв к совместному взаимодействию в рамках экзистенциальных вопросов, ухода от ответа, нивелирования значимости, подмены фактов и др.

Стратегия соперничества реализуется в целях демонстрации собственного превосходства на фоне дискредитации оппонентов. Аргументация необходимости выбора стороны, доминирования и демонстрация силы, выражающееся в применении наказания (санкций) в случае неповиновения, отрицания новой невыгодной для внешней политики США идеологии многополярности. Для этого используются тактики осуждения, указания на агрессивность, прогноз о прекращении сотрудничества, тактика предупреждения, тактика давления, тактика подмены понятий и сокрытия информации, угрозы, тактика хеджирования.

Обе стратегии характеризуются разнообразием прагматингвистических маркеров, которые формируют общественное мнение о различных акторах международных отношений. В целом, стратегии в условиях кризисных ситуаций позволяют государствам и международным организациям эффективно управлять информационными рисками и сохранять свою репутацию

и имидж. Это важная составляющая управления мультиполярным миром в кризисном дискурсе, так как информация играет ключевую роль в формировании общественного мнения и принятии решений.

ИСТОЧНИКИ

1. *Spector, M.* (2023) In Defence of the Fence Sitters. What the West Gets Wrong About Hedging. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol. 102, No. 3 – p. 8.
2. *Rao N.* (2023) The Upside of Rivalry. India's Great Power Opportunity. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol.102, No. 3 – p. 17
3. *Murithi T.* (2023) Order of Oppression. Africa's Quest for a New International System. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol.102, No. 3 – p. 24.
4. *Le Thu H.* (2023) Southeast Asia's Precarious Balancing Act. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol.102, No. 3 – p. 30.
5. *Miliband D.* (2023) The World Beyond Ukraine. The Survival of the West and the Demands of the Rest. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol.102, No. 3 – p. 36
6. *Radchenko S., Zubok V.* (2023) Blundering on the Brick. The Secret History and Unlearned Lessons of the Cuban Missile Crisis. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol. 102, No. 3 – p. 44.
7. *Ash T. C.* (2023) Postimperial Empire. How the War in Ukraine is Transforming Europe. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol. 102, No. 3 – p. 64.
8. *Brooks S.G., Wohlforth W.* (2023) The Myth of Multipolarity. American Power's Staying Power. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol. 102, No. 3 – p. 76.
9. *Kamin D., Kysar R.* (2023) The Perils of the New Industrial Policy. How to Stop the Global Race to the Bottom. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol. 102, No. 3 – p. 92.
10. *Bordoff J., O'Sullivan M. L.* (2023) The Age of Energy Insecurity. How the fight for resources is Upending Geopolitics. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol. 102, No. 3 – p. 104.
11. *Adderson L.* (2023) The Forty- Year War. How America Lost the Middle East. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol. 102, No. 3 – p. 164.
12. *Mazover M.* (2023) Keeping the World at bay. Does Globalism Subvert Democracy – or Strengthen it? In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol.102, No. 3 – p. 172.
13. *Vaishnav, M.* (2023) Is India's Rise Inevitable? The Roots of New Delhi's Dysfunction. In: Foreign Affairs. The Nonaligned World. May/June 2023. – Vol. 102, No. 3 – p. 186.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Беклямишев, В. О.* Теория многополярности в идеологии международного клуба БРИКС / Беклямишев, В. О. – Текст : электронный // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – № 31. – Текст : электронный. URL – <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-mnogopolyarnosti-v-ideologii-mezhdunarodnogo-kluba-briks> (дата обращения: 01.11.2023).

2. *Виноградов, С. И.* Слово в парламентском общении: функции и культурный контекст / С. И. Виноградов. – Текст : непосредственный // Культура парламентской речи. – М., 1999. – С. 46–57.
3. *Дегтерев Д. А.* Многополярность или «новая биполярность»? / Дегтерев Д. А. // РСМД. 2020. – Текст электронный. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 09.11.2023).
4. *Дугин, А. Г.* Теория многополярного мира / А. Г. Дугин. – М.: Евразийское движение, 2013. – 532 с. – Текст : непосредственный.
5. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 4-е, стер. – М. : КомКнига : URSS, 2006. – 284 с. – Текст : непосредственный.
6. *Кашкин, В. Б.* Введение в теорию коммуникации : учеб. пособие / В. Б. Кашкин, Л. В. Квасова, А. А. Болдырева. – Воронеж : Воронеж. Гос. техн. ун-т, 2003. – 175 с. – Текст : непосредственный.
7. *Клюев, Е. В.* Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия : учеб. пособие / Е. В. Клюев. – М. : РИПОЛ классик, 2002. – 316 с. – Текст : непосредственный.
8. *Костин А. И.* Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов / А. И. Костин, В. С. Изотов // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2015. – № 2. – С. 7–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnye-sistemy-v-paradigme-globalistiki-obnovlenie-issledovatelских-podhodov/viewer> (дата обращения: 08.11.2023).
9. Безопасность избирательного процесса/ А. С. Бояшов, И. И. Мушкет, О. Н. Лешенюк [и др.]. – Санкт-Петербург: Секретариат Совета МПА СНГ, 2023. – 96 с. – (Демократия, выборы, парламентаризм). – Текст непосредственный.
10. *Пильгун, Е. В.* Семантика и прагматика кризисного дискурса. –/ Е. В. Пильгун. – Минск: ИВЦ Минфина, 2020. – 203 с. – Текст : непосредственный.
11. *Сирота Н. М.* Полицентризм в контексте глобальной трансформации / Н. М. Сирота, Г. А. Мохоров // Инновационные технологии нового тысячелетия: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. – Т. 3. – С. 170–175. – Текст непосредственный.
12. *Солуянов В. С.* Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций / В. С. Солуянов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 3. – С. 424–445. Doi: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445. – Текст : непосредственный.
13. *Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций: монография / И. М. Дзялошинский; под ред. Л. К. Лободенко.* – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 551 с. – (Сер. «Цифровая цивилизация. Медиакоммуникации. Интернет-маркетинг». – Вып. 1). – Текст непосредственный
14. *Формановская, Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : ИКАР, 2007. – 480 с. – Текст : непосредственный.
15. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М: ООО 'Издательство АСТ', 2003. – 603. – Текст непосредственный.
16. *Цыганков П. А.* Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений / П. А. Цыганков. – Текст непосредственный // Общественные науки и современность. – 2004. – No 2. – С. 119–130.

17. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта, 2006. – 132 с. – Текст : непосредственный.
18. Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? / G. Allison. – Houghton Mifflin Harcourt, 2017. – P. 384. – Text : unmediated.
19. Blagden D. Global Multipolarity, European Security and Implications for UK Grand Strategy: Back to the Future, Once Again / D. Blagden // International Affairs. 2015. – Vol. 91, No. 2. – P. 333–350. DOI: 10.1111/1468-2346.12238. – Text : unmediated.
20. Butler S. Gemeinschaft as the Lynchpin of Multilateralism: World Order and the Challenge of Multipolarity / S. Butler // Irish Studies in International Affairs. 2018. – No 29. – P. 17–34. DOI: 10.3318/isia.2018.29.09 – Text : unmediated.
21. Cooley A., Nexon D. Why Populists Want a Multipolar World / A. Cooley, D. Nexon. // Foreign Policy. – 2020. – Text : mediated URL:<https://foreignpolicy.com/2020/04/25/populists-multipolar-world-russia-china/> (accessed: 08.11.2023).
22. De Santis H. The Right to Rule: American Exceptionalism and the Coming Multipolar World Order. / H. De Santis. – Lexington Books, 2021. – 414 p. – Text : unmediated.
23. Garzón, J. Multipolarity and the future of economic regionalism / J. Garzón // International Theory. – 2017. – Vol. 9, No. 1. – P. 101–135. DOI: 10.1017/S1752971916000191 – Text : unmediated.
24. Laïdi Z. Towards a post-hegemonic world: The multipolar threat to the multilateral order / Z. Laïdi // International Politics. 2014. Vol. 51, No. 3. P. 350–365. DOI: 10.1057/ip.2014.13 – Text : unmediated.
25. Litsas S., Tziampiris A. The Eastern Mediterranean in Transition: Multipolarity, Politics and Power(1st ed.). / S. Litsas, A. Tziampiris. – Routledge, 2016. – 282 p. – Text : unmediated.
26. Marrone A., Muti K. NATO's Future: Euro-Atlantic Alliance in a Peacetime War / A. Marrone, K. Muti. // IAI Papers.2020. – No. 20/28. – Text : mediated. – URL: <https://www.iai.it/en/node/12251> (accessed: 06.11.2023).
27. Ten Brinke, L., Martill, B. Coping with Multipolarity: EU Values and the Stability of International Order / L. Ten Brinke, B. Martill. – Text mediated // Dahrendorf Forum Working Paper, 2019. – No. 11. – URL: https://www.dahrendorf-forum.eu/wp-content/uploads/2019/08/Coping-with-Multipolarity_EU-Values-and-the-Stability-of-International-Order.pdf (accessed: 07.11.2023).